

Епископ Геннадий (ГОГОЛЕВ) АБАЙ. ПРОСТОЕ СЛОВО

Опыт стихотворного переложения «Қара сөз»

Первое Слово

Немало мною пройдено дорог,
И многое в пути я испытал:
Я уклониться от борьбы не мог,
Судил неправо, спорил, ревновал.
Но скоро станет близок мой конец,
Я обессилел и устал душой,
И убедился, что до злых сердец
Не достигают благодать и покой.
Бесплоден я: не видно смысла мне
В занятиях моих на склоне дней.
Не встану с молодыми наравне,
Пылая страстью изменить людей.
Неблагодарен бедный мой народ,
Не облегчить мне тягостей его!
Он своего вождя лишь проклянет,
Не принимая блага от него.
Я не желаю умножать стада.
Воров ли, попрошаек мне кормить?
Пускай мой сын несет ярмо труда,
Коль среди них богатым хочет слыть.
Продолжить изучение наук?
Но как смешон торговец некий был,
Что полный драгоценностей сундук
В нехоженой пустыне разложил!
Никто не ищет знаний у меня.
В молитве ль ныне душу изолью?
Но нет покоя – на исходе дня
Молитвой я души не исцелю.
Заняться воспитанием детей?
Но что им нынче надобно узнать?
Я не пойму их мыслей и путей
И не смогу на пользу воспитать.
И, рассудив о горестях как мог,
Я попросил бумаги и чернил,
Чтобы простой и безыскусный слог
Мои Слова навеки сохранил.
Быть может, кто-то перепишет их,
Чтобы оставить в памяти людской,
А если нет – богатство слов моих
Сойдет в могилу навсегда со мной.

Второе Слово

Я слышал в детстве ядовитый смех –
В селе казах узбека осмелял:
«Трусливым сартом» обозвал при всех,
А речь узбека «трескотней» назвал.
Другой казах шутил, когда при нем
Ногай-татарин оседлал коня.

Смеялся над прищельцем каждый дом,
И шутки их забавили меня.
Когда казахи, собираясь в круг,
Развеселившись, пили до утра,
Я слышал, что и русский мне не друг –
Ведь дружба с рыжим не несет добра.
Как мой народ прекрасен, знаменит! –
Я по утрам с молитвой восклицал.
Как жалок чужеземцев странный вид!
И я с восторгом Бога прославлял.
Но шли года. И детский мой восторг
Сменился чередой упрямых дум:
А опыт, право, оценить помог
Узбеков благочестие и ум.
Я ужаснулся домыслам своим,
Когда расстался с ними невзначай:
Ведь кто еще под небом голубым
Трудолюбив, вынослив, как ногай?
Я посылаю, братья, вам поклон
За то, что с вами этот мир познал.
И в старости я сам себе смешон
За то, что русских в детстве осмелял.

Четвертое Слово

Давно сказали слово нам отцы,
Что смех пустой сознание пьянит.
Бегут от глупых шуток мудрецы,
И труженик от пьяницы бежит.
В веселости беспечной скрыт порок –
Она ведет к растлению ума.
Бездельника в нужде оставит Бог,
Ему грозят бесчестье и сума.
Достаток в этом мире потеряв,
Презрен своей зажиточной родней,
Могиле дань последнюю отдав,
И после смерти будет он изгой.
Но тот, кто может бодрый дух собрать
И пребывает в разуме своем, –
Уныние умеет побеждать
Не смехотворством, а святым трудом.
Не убиваться горем вас учу,
В плену печали потерявши вид,
Доверьтесь милосердному врачу –
Вас труд от всех печалей исцелит.
Но тихий смех моих коснется уст,
Когда увижу добрые дела,
И не умолкнет, отгоняя грусть,
Чтобы душа от радости цвела.
Не радуйтесь поступкам подлеца –

Притворный смех противен будет вам.
И, чтобы не прогневать вам Творца,
Не ссорьтесь никогда по пустякам.

Пятое Слово

Когда теснит печаль ночами грудь
И тело изнывает от тоски,
Не в силах будет человек вздохнуть,
И дух его как будто взят в тиски.
Тогда бессильно дни свои влачит
Иль мечется, не находя приют,
И по лицу, теряющему вид,
Так часто слезы горькие текут.
Но отчего, скажи, твоя печаль?
Ты изнемог под бременем забот?
Иль алчному чужих сокровищ жаль,
Что в собственном доме не достает?
Напрасно Богу будешь досаждать
Молитвою о безмятежных днях.
Не лучше ли желания унять
И обрести душою Божий страх?
Себя в личину скромности облечь.
Потупив в землю лицемерный взгляд,
Ты можешь, но свою не скроешь речь –
Твои слова тебя изболбчат.
Сильна привычка наживать добро
Нечестным и неправедным путем.
А коль падет на голову позор,
Драть ворот брату, стоя на своем.
Пускай ты много в жизни преуспел:
Достиг почета, превознес себя.
Но дети, что плохих стыдятся дел,
Угодны Богу более тебя.

Шестое Слово

Любой казах в порыве лучших чувств
Пословицей перед тобой блеснет
О том, что единенье – верх искусств
И общность стада сохранит их род.
Но если племя завладеет всем,
От каждого забрав плоды трудов,
То разве не наступит вместе с тем
В нем рай для тунеядцев и воров?
Я свой совет хочу казахам дать:
Род не спасает общее добро.
Единство мыслей нужно вам стяжать,
А не в одном подвале серебро!
В ауле каждый аксакал умен,
На все готова мудрость у него:
Существованье почитает он
Основою достатка своего.
Мы целый день, как овцы, смотрим вниз,
Достаток, насыщение любя,
Служенью плоти посвящая жизнь,

Скотам мы уподобили себя.
К словам Абая обращая слух,
Узнай же правду, бедный мой народ,
О том, что плотью править должен дух –
И труд искусством каждый назовет.
Лишь записной бездельник и нахал
К дармовой пище тянется, спеша.
И как бы видом он ни восхищал,
Смердит его бесстыдная душа.

Седьмое Слово

Во всем послушен зову естества,
От голода младенец ищет мать.
С природой связан узами родства,
Он Божий мир стремится познавать.
Вот два стремленья: тела и души –
В нас вложены с рождения Творцом.
Нам счастье себе не заслужить,
Коль мы одним из них пренебрежем.
Ребенок тянет ручки ко всему,
Внимает пенью, музыке, стихам
И пищу любопытству своему
Со временем уже находит сам.
Но почему, так быстро повзрослев,
К природе мы теряем интерес?
Погаснет взор, в тоске отяжелев,
Померкнет мир открытий и чудес.
Мы приземлили души, мы сочли
За жизнь – аульных распрей череду.
Мы книгу мирозданья не прочли,
А погрузились в мелкую вражду,
На всё готов бессмысленный ответ:
«Пусть каждый лишь своим умом живет!»
И мудрого доверчивый совет
Напыщенный невежда отметет.
Не видят люди в знаниях добра,
Не смотрят дальше носа своего.
И детских дней далекая пора
Мне кажется прекраснее всего.

Восьмое Слово

Кто внемлет ныне гласу мудрецов
И рад учиться истинам святым? –
Начальник глух. Надменное лицо
Он обращает равнодушно к ним.
Ведь власти добивается лишь тот,
Кто любит сам с восторгом поучать.
И бий проходит, выпятив живот,
Он, как пророк, готов для нас вещать.
Быть может, ищет знаний богатей,
Желая их ко злату приложить? –
Но деньги для него всего нужней,
Он даже Бога хочет подкупить.
Святую веру, родину, народ,

Отвагу и решительность в глазах –
 Всё заменяет богатею скот:
 Он день и ночь печется о стадах.
 Злодей и вор, как камень, будет глух,
 Меж ним и словом истины – стена.
 Он словно потерял однажды слух,
 И совесть в нем как будто сожжена.
 Мудрец для сильных мира – как чужой,
 Он досаждаёт биям и князьям.
 И лишь бедняк останется со мной
 Внимать правдивым и святым словам.
 Но как ему я стану досаждаёт
 Рассказами о славе прошлых дней
 И тяжесть поучений возлагать
 На плечи, что поникли от скорбей?

Девятое Слово

По своему рождению казах,
 Я ныне странно к братьям отношусь:
 К ним больше нет любви в моих очах
 И в неприязни к ним не признаюсь.
 Как не любить народа своего?
 Я восхищаться б им не уставал,
 Коль, сердцем зная все черты его,
 Нашел средь них достойные похвал.
 А если б презирал я свой народ,
 Я не общался б с ними никогда
 И не открыл бы пред глушцами рот,
 Молчанием спасаясь от стыда.
 Но, братья, я не мог оставить вас!
 И не питаю призрачных надежд,
 Я с вами встречу свой последний час,
 Непонятый в собрании невежд.
 В досаде стал я хмур и нелюдим,
 Здоровый телом – духом омертвел.
 Пока еще кажусь жильцом земным,
 Но мрак могильный сердцем овладел.
 Сержусь – но гнева мне недостает,
 Смеюсь – но сердце мертвое молчит.
 И речь моя, едва открою рот,
 Как бы чужая, тихо прозвучит.
 Чего я жду на стороне родной?
 Ее покинуть старцу силы нет.
 Но, может, чудо сотворят со мной
 Мои казахи из грядущих лет?

Десятое Слово

С надеждой робкой счет ведя годам.
 Семья казаха молится и ждет.
 Когда же Бог опору старикам –
 Им сына и наследника пошлет?
 И лишь отца придется схоронить,
 И мать окончит тягостные дни,

За них молитвы будет возносить
 Наследник их достатка и любви.
 Но кто в семье поручится всерьез,
 Что Бог им сына доброго подаст?
 Они прольют, быть может, море слез
 И проклянут его рожденья час.
 И кто из них подумал иногда,
 Что груз своих ошибок и грехов,
 Не ведая сомнений и стыда,
 На плечи сына возложить готов?
 Зачем тебе молитвы сыновей?
 Твое добро века переживет,
 А коль твоя душа угля черней,
 И сын тебя добром не помянет.
 Лелея детство сына своего,
 Какой ты подаешь ему пример?
 Усердно учишь грамоте его
 И злобою питаешь, лицемер!
 Неправедно богатством завладев,
 Ты не найдешь покоя для себя.
 Наследник твой, в науках преуспев,
 С позором отречется от тебя.

Одиннадцатое Слово

Две грозные беды в степях живут,
 Коварно проникая в каждый дом:
 Одно из бедствий воровством зовут,
 Второе – подстрекательством зовем.
 Крадут воры у богатея скот,
 Но, подкупив расчетливых судей,
 «С привесом» у обидчика берет
 Свое добро обратно богатея.
 Гадюкой в дом пролезет вдруг смутьян,
 Чтоб к тяжбам в нем хозяина склонить,
 Набив деньгами собственный карман –
 Ему же власть и почесть посулить.
 А те, кому от Бога власть дана,
 Не ведают про бескорыстный труд.
 Лишь выгода начальникам нужна,
 Они ее из воздуха возьмут.
 Готовы без сомнений и стыда
 Втянуть соседей в споры меж собой,
 И тут же на соседские стада
 Наводят алчно взор насытый свой.
 И лишь в степи обидит брата брат,
 Как родичи из мести за него
 Оружие без страха обнажат,
 Чтоб кровь пролить у брата своего.
 Опутаны постыдным воровством,
 Плодят смутьянов богачи в степях.
 О, как мы для своих людей вернем
 Законы дружбы, совесть, Божий страх?